

В гостях у Фешина

Красота – страшная сила. Эта, казалось бы, банальная сентенция становится вдруг свежей, яркой, точной, когда перед тобой во всей своей магической силе распахивается подлинная красота. Творчество нашего земляка, художника от Бога, виртуоза живописи и графики Николая Ивановича Фешина как раз та самая страшная сила, та самая красота, которая завораживает, очищает, приподнимает над суетным и обыденным – даже тогда, когда на полотнах мастера изображено, вроде бы, нечто грубое, варварское, даже страшное, на грани этики искусства.

Родился будущий живописец 26 ноября 1881 года в Казани в семье, по сути дела, художника – владельца и мастера позолотно-столярной иконостасной мастерской Ивана Александровича Фешина, уроженца Арзамаса, и Прасковьи Викторовны (в девичестве Чистовой) из Костромы.

Уже при жизни имя Николая Фешина, уникального живописца и рисовальщика, участника отечественных и международных (Мюнхен, Амстердам, Питсбург...) выставок, обладателя всех мыслимых и немыслимых медалей, дипломов, было известно далеко за пределами Российской Империи и позднее Страны Советов.

Первая монография о художнике была издана в 1921 году в Казани (автор – П. Д. Дульский), после чего последовала многолетняя полоса молчания (имеется в виду пространство Советского Союза), как будто нет и не было на свете исключительно даровитого художника, прекрасного педагога живописи Николая Ивановича Фешина – лишь за то, что он в 1923 году решил сменить место (в данном случае – страну) жительства.

Помню, настоящим прорывом был 1976 год – год 95-летия нашего выдающегося земляка, когда к нам, в Казань, из США приехала его дочь Ия Николаевна Фешина-Бренхам. С её помощью, согласно завещанию, прах Николая Фешина был перезахоронен в родном городе. Она приехала с дарами – произведениями своего отца, бесценной информацией о его жизни после 1923 года и каким-то свежим духом перемен. Точнее сказать, духом предчувствия их. По крайней мере, так всем нам тогда показалось.

Тогда в Государственном музее изобразительных искусств республики, в зале Н.И.Фешина, в толпе присутствовавших на выставке тянулся к полотнам мастера и юный его земляк, впоследствии учащийся той самой Казанской художественной школы (лишь с другим названием), которую в своё время закончил и в которой преподавал Фешин, – 13-летний Анвар Сайфутдинов, кому спустя годы довелось жить и работать, общаться с дочерью и друзьями великого художника и даже выставлять свои картины в доме-музее Николая Фешина в Таосе (США).

Сегодня **Анвар Камилевич Сайфутдинов** – гость «Казанско-го альманаха».

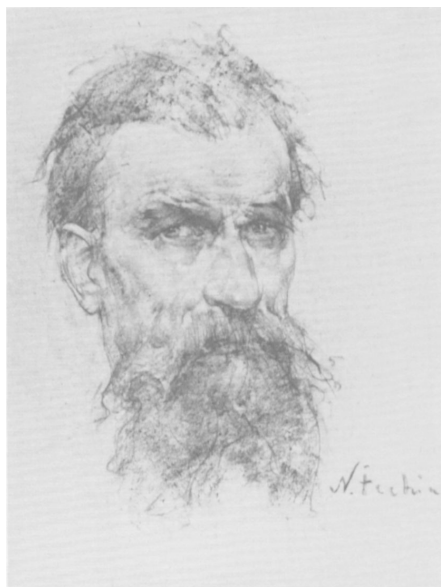
– Знаешь ли, Анвар, недавно я раскрыл том «Советской художественной энциклопедии» 1986 года издания и не обнаружил в нём имени Фешина. Тогда я полез в «Большую советскую энциклопедию», но и там его нет. Не было такого художника на белом свете и всё.

– Это только на одной шестой суши и только в определённое время. Интеллектуально и культурно просвещённый мир хорошо знал и знает Николая Ивановича Фешина. Вот лишь толика публикаций о нём, которую я привёз из Америки. (Мы листаем богато иллюстрированные альбомы, журналы со статьями, очерками, эссе о нашем великом земляке и дух захватывает от масштабности увиденного. Среди авторов художники, искусствоведы, сам Фешин со своей «Автобиографией», другими материалами, его дочь – с воспоминаниями об отце и, в частности, о поездке в Казань. Вот и виды нашего родного города – Спасская башня Кремля, Благовещенский собор, Изомузей... В нескольких изданиях подробно и иллюстративно щедро рассказывается о доме-музее художника в Таосе, показаны его интерьеры, различные фрагменты – резные двери, окна, какие-то архитектурные приспособления...И, конечно же, репродукции, репродукции, репродукции фешинских произведений, о которых многие из нас и не слыхивали.)

– Это мы тут были зашоренные и обделённые, – продолжает Анвар Сайфутдинов. – Но время всё ставит на свои места и никакими политическими

PLATE XVI "Hands" (after 1923), 18 inches by 13½ inches, charcoal

"Old Bearded Man" (Fechin's father, Ivan) Charcoal drawing

PENSIVE GIRL
charcoal
16" x 13"

системами и железными занавесами его не остановишь. Вот и в Казани к этому его юбилею появились хорошие издания. А то ведь и смех, и грех — зашёл на днях в книжный магазин, в отделе искусства спрашиваю: есть у вас Фешин? А продавщица меня переспрашивает: Фейшин? До этого побывал в крупнейшей казанской библиотеке... А там всего лишь один-единёшенек Фешин-каталог, изданный в 1992 году на плохонькой бумаге, с картинками, как говорится, «не пойми-поймёшь». Да и что это за название: «Н.Фешин-каталог»? Бездушнее не придумаешь. Парадоксально, но теперь нам надо постараться, чтобы всемирно признанный художник и на своей родине был признан и почитаем самым широким и достойным образом, а не только по знатым юбилеям и в узких кругах профессионалов и почитателей его таланта.

— Художники-профессионалы называют творчество Фешина просто уникальным. Один даже так выразился: исполнительское мастерство Фешина в живописи и рисунке всё равно что Паганини в музыке.

— Действительно, творчество Фешина виртуозно и бесподобно. Не знаю, насколько сравнение с Паганини точно, но одно верно — творчество его отмечено необыкновенным полётом вдохновения и дерзости. Любое бытовое, даже грубовато-приземлённое явление он превращал в произведение искусства. Вспомним «Черемисскую свадьбу», «Обливание» или, скажем, «Бойню»... А череда портретов, выполненных им будто на одном дыхании, словно за один присест! Недаром некоторые его известные вещи не закончены. Или закончены, но создают впечатление незаконченности, быстроты и вдохновенности исполнения. Впрочем, Паганини и в самом деле играл в жизни художника несомненно значимую роль. Об этом свидетельствует и внушительных размеров портрет великого музыканта и наделённость этого портрета чертами лица самого портретиста.

– Известны случаи, когда люди всю жизнь не рисовали, а после тяжёлой болезни или другого какого-то потрясения начинали самобытно и интересно выражать себя именно в живописи. В раннем детстве будущий художник перенёс воспаление головного мозга. Чудом остался жив. Боюсь высказать не совсем корректную мысль, но, быть может, и эта его болезнь поработала на всю ту же мельницу уникальной одарённости мастера?

– На этот вопрос никто не ответит. Всё возможно. Однако – и это уж точно – Николай Фешин родился в художественно развитой семье, и первые опыты рисования он получил пятилетним отпрыском в мастерской отца, а затем с его артелью ходил в летние походы по Волге. Поражают собранность, целеустремлённость и упорство в учёбе будущего мастера. Уже будучи учащимся Казанской художественной школы, он обладал исключительной природной даровитостью, работоспособностью и безостановочно двигался к намеченному. Он впитывал как губка, но никому не подражал, торил в искусстве свой путь. Он весь был обращён к природе человека, натуре во всех ее проявлениях. Всё это дало ему возможность уже в раннем возрасте взять значительные художественные высоты, которые с годами неизменно и стремительно росли. После Казанской школы было Высшее художественное училище при Академии художеств в Петербурге, учёба в котором сопровождалась участием в выставках, похвальными грамотами Совета Академии и денежными премиями. Большое значение для Фешина имела практика в мастерской Ильи Репина. Хотя и не простые были отношения между учителем и учеником, но на вопрос: «Кто из современных художников наиболее талантлив?» Репин ответил: «Безусловно – Фешин». Когда Николай Иванович вернулся в родную Казань преподавать, за его спиной были Золотая медаль, полученная на международной выставке в Мюнхене, многочисленные дипломы с престижных вы-

"Woman's Face" Charcoal drawing

ставок, творческий опыт в Риме, Неаполе, Венеции, Милане, Флоренции, Париже, Вене, Берлине...

– Стоило ли ему возвращаться в провинцию, когда всё равно он вынужден был её оставить?

– Условия жизни в России начала 20-х годов прошлого века были таковы, что останься он тут, то как художник мог и не выжить. Зато 15 лет, посвященные Фешиным Казанской художественной школе, качественно изменили уровень и методологию преподавания в ней. Один из его талантливых учеников Константин Чеботырёв говорил: «Когда прочёл воспоминания о том, как Валентин Серов круто изменил всю учёбу в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, то я почувствовал полное родство с тем, что сделал в Казанской школе Фешин в области живописи и рисунка». Что интересно, по воспоминаниям его учеников, Фешин считал, что не имеет права вносить поправки в работы своих подопечных, вмешиваться в их творческую индивидуальность. Тем не менее Николай Фешин со своим другом и однокашником (и по Казани, и по Питеру) Павлом Беньковым подняли на новую высоту учебный процесс в Казанской художественной школе, задали ему особый, прогрессивный вектор развития.

– Когда ты впервые услышал или увидел имя Фешина, или столкнулся с его творчеством?

– Такое впечатление, что я его знаю всю свою сознательную жизнь. Посуди сам, в Казани я учился в художественной школе, затем – в художественном училище, которое продолжало дело знаменитой фешинской художественной школы. Всё вокруг было пропитано духом его творчества и имени. И не только в родном городе. Куда бы ни поехал, везде слышал: «Из Казани? О, Фешин! Фешинская школа!» Для нас он был культовый художник. Это не говорит о том, что мы все ему подражали. Но живописать, рисовать, профессионально относиться к творчеству и искусству у него учились – это уж точно. И потом,

меня он интересовал совершенно естественным образом как земляк и как выдающаяся личность. Меня всегда интересовали судьбы больших людей, как происходило их становление. А тут сам бог велел – земляк, художник-классик. Собирал репродукции его работ, вырезки о нём, хотя материалов, посвященных нашему знаменитому земляку, в те годы было крайне мало.

– Как тебя судьба забросила в Америку? И не просто в Америку, а в Таос, в сам дом-музей Николая Фешина?

– Когда я был студентом и учился в Московском государственном художественном институте имени Валентина Сурикова, то мы частенько своё мастерство оттачивали в парках – Битцевском, Измайловском... Или на Арбате, где и рисовали, и продавали свои картины. Непростые были времена – милиция гоняла. Тем не менее со всеми, кто у меня приобретал работу, я завязывал беседу и в конце просил покупателя, чтобы он при возможности выслал мне фотографию с видом моей картины в интерьере, как она у него там дома или где висит. Многие откликались на мою просьбу. Среди покупателей было немало иностранцев. И вот однажды ко мне подошла покупательница, которая, как выяснилось, оказалась американской писательницей Сьюзан Рабб. Она интересовалась политикой, моим отношением к власти, в частности, к Ельцину... Я ответил, что интересуюсь политикой постольку поскольку, а больше в жизни меня интересует визуальная жизнь, людские портреты (миллионщик он или бомж – без разницы), картины природы и города, рассветов и закатов... И в свою очередь спросил, что она знает о художнике Фешине. Она ответила, что в США слушала лекции его дочери Ии Николаевны по психологии и искусствоведению, в том числе и об её отце, русском живописце Николае Фешине. Сообщила о доме-музее художника в городе Таосе штата Нью-Мексико. Это для меня было ценной информацией. Сама же писательница жила в городе Болдер, в штате

Колорадо, что по соседству с Нью-Мексико. Через некоторое время я получил фотографию своего пейзажика, который она приобрела у меня в тот памятный день. Завязалась переписка. Она пригласила меня к себе в город по окончании института. Отучившись, в 1991 году по её вызову, я вскоре поехал в Болдер, где мне была предоставлена возможность заниматься живописью.

— А как же Таос, дом-музей Фешина?

— То была моя заветная цель. И Сьюзан Рабб это, конечно, хорошо понимала. Она договорилась с Ией Николаевной, и мы поехали к ней в Таос. При встрече я заговорил по-английски, мол, я из Казани. А она мне по-русски: я тоже родилась в Казани... Ия Николаевна показала фотографии о своём пребывании в родном городе в год 95-летия отца. На одной из них, сделанной на выставке в Изомузее, я увидел и себя. Это было настоящим сюрпризом. Естественно, я сказал об этом. В то время дом-музей был сезонно закрыт для посетителей, но Ия Николаевна открыла его, показала все интерьеры, картины, предложила сделать в этой святыне мою персональную выставку. Дрожь по телу! Представь себе, что я мог в тот момент испытать. Окрылённый, вернулся в Болдер и продолжил там работать, но уже с новым остервенением — начал готовиться к выставке в Таосе.

Ия Николаевна тоже готовилась. Она сделала рекламу в прессе, дала интервью о предстоящей выставке, организовала сюжет на ТВ. Одним словом, выставка состоялась, имела успех, длилась значительно дольше принятого... Да и сам я перебрался потом к своим картинам в Таос. Ия Николаевна разместила меня на территории музея, в домике по соседству с мемориальной фешинской постройкой. После этой выставки посыпались новые предложения... Была организована ещё одна моя выставка в галерее Тёрнер-арт города Денвер (штат Колорадо). Но надо было собираться домой. Значительную часть

STUDY OF TWO
HANDS WITH PIPE
charcoal
12" x 10"

INDIAN GIRL
WITH BANGS
charcoal
18" x 14"

STUDIES OF NUDE
charcoal
21" x 15½"

STUDIES OF NUDE
AND PEKINESE DOG
charcoal
20½" x 15½"

написанных в Америке картин приобрела упомянутая галерея Тёрнер-арт, другие полотна я предложил оставить в Таосе для продажи – с тем, чтобы вырученную сумму в благотворительной форме передать дому-музею Фешина. Ия Николаевна впоследствии сообщила мне, что сумма эта составила девять тысяч триста долларов.

– Что особенно запомнилось в доме-музее Фешина?

– Всё. Я запомнил всё – до последнего сучка, до каждого мазка фешинской кисти на полотнах, которые тут, на его родине, не всем известны; запомнил рассказы Ии Николаевны об отце, её трепетное отношение к делу, которому её отец посвятил всю свою жизнь. В своё время мы много говорили о преемственности поколений. Вот он, образец преемственности. Если бы все мы умели так же относиться к труду своих родителей, предыдущих поколений, как Ия Николаевна, то, наверное, многое в нашей жизни изменилось бы в лучшую сторону.

– А если более конкретно?

– Представь себе дом, который человек построил своими руками. Руками мастера – и архитектора, и дизайнера, и плотника, и резчика по дереву, и живописца... Ведь стол, стулья, шкафы, какие-то архитектурные приспособления, сундуки, шкатулки, сказочное зеркало с открывающимися ставнями – всё там сработано самим Фешиным (см. стр. 4 обложки). Мне кажется, и по сей день душа Фешина витает там, под бревенчатым потолком залы его необычного дома. Ия Николаевна рассказывала, с какой теплотой и любовью он относился к своему творению – дому в Таосе.

– Ещё что рассказывала Ия Николаевна?

– Рассказывала, что Николай Иванович был очень скромным человеком. Например, при посещении чьих-то выставок он не пересекал залы посередине, а шёл всегда по краю, так сказать, по стенке. Что интересно, в английском языке нет слова «скромный». И когда

Ия Николаевна давала интервью на английском языке, то не могла подобрать соответствующего слова – застенчивый, робкий, стыдливый – всё не то...

Или рассказывала, как у него воспалился язык. Попала инфекция. Дело в том, что при работе мастихином он всегда смачивал пластинку его стали своей слюной. Водой не пользовался, что называется, себя вкладывал. А в составе масляных красок чего только нет – и свинец, и чёрт знает что... Вот и заболел. Потом долго лечился.

Или как к Фешину в мастерскую забрался вор. Ударил художника чем-то тяжёлым по голове, забрал десять долларов, лежавших на столе, и скрылся, не тронув дорогих картин, других ценных произведений искусства, которыми была полна мастерская.

Я любил листать книги из личной библиотеки Фешина, с его карандашными пометками, замечаниями... Ия Николаевна показывала письма, адресованные ему. От Шаяпина, Горького, Коненкова, Бродского, академика Лихачёва... Много писем. Всё-таки он скучал по родине. Недаром её крохотную часть он воссоздал в далёкой Америке. Точнее сказать, далеко не крохотную. Как в капле росы, в доме-музее Николая Фешина отразилась милая его сердцу Россия – культурная, бытовая, в своём многообразии неисчерпаемая.

– *Какая работа Фешина в нашем Изомузее тебе более всего по душе?*

– Трудно выбрать какую-то одну картину. Полотна Фешина в Казани составляют крупнейшую коллекцию его работ в России. И каждое полотно само по себе уникально и представляет собой неизмеримую художественную ценность. Тем не менее я хотел бы обратить внимание любителей живописи на небольшой портретик, на котором изображена его трёхлетняя дочь Ия (см. стр. 3 обложки). Быть может, я особо выделяю эту работу в связи со всей этой историей, рассказанной в нашей беседе. А быть может, и нет.

Беседу вёл Ахат Мушинский

STARRY-EYED
charcoal
15" x 12½"

